

Это стало началом внутреннего краха династии. До краха внешнего было подать рукой.

Однако один шанс на спасение еще оставался. Требовалось заставить страну врасплох, заключить сепаратный мир и объявить реакционную диктатуру.

Казалось, такая попытка будет сделана. 4 февраля 1917 г. русского посла в Христиании [ныне Осло. — *Примеч. пер.*] Гулькевича посетил болгарский посол в Берлине Ризов. Он попросил телеграфировать в Петроград «о желании Германии заключить мир с Россией на чрезвычайно выгодных для последней условиях». Ризов говорил, что действует по собственной инициативе, но, как выяснил Гулькевич, «не оставалось ни малейшего сомнения в том, что он действовал по германским инструкциям». Ради проформы Гулькевич ответил отказом, но, конечно, тут же телеграфировал в Петроград и получил в ответ приказ: «Если Ризов предпримет повторные шаги, внимательно выслушать его и уточнить, о каких именно условиях идет речь».

Граф Чернин [австрийский министр иностранных дел. — *Примеч. пер.*] в своих мемуарах говорит о «полномочном представителе одной из нейтральных стран», который предложил ему «вступить в переговоры с одной из вражеских стран без ведома остальных». Граф «ни секунды не сомневался в том, что речь идет о России». Чернин повторил прежнее предложение «Эрни» — организовать встречу полномочных агентов в каком-нибудь нейтральном государстве. Но было уже поздно. Вместо «полномочного агента» он получил известие о революции в России.

Глава 3

ДУМСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

В своей книге «История второй русской революции» Миллюков, лидер буржуазной либеральной партии кадетов, предлагает довольно оригинальную интерпретацию Февральского переворота. По его мнению, этот переворот начался как стихийное движение, «абсолютно бесформенное и бесцельное».

Но затем свою роль сыграл новый фактор, оказавшийся решающим. «Вмешательство Государственной думы придало уличным демонстрациям цель, дало им знамя и лозунг, после чего мятеж превратился в революцию, которая свергла старый режим и династию».

Милюков утверждает, что «Государственная дума уже многое сделала для этого во время войны и особенно во время «прогрессивного блока».

Однако в России версия Милюкова менее распространена, чем за ее пределами. Тон иностранным концепциям того, что случилось в России, задало сообщение Милюкова, который был первым министром иностранных дел революционного Временного правительства. В своей радиোগрамме от 3 марта он изобразил ход революционных событий еще проще: «Вечером 28 февраля председатель Государственной думы получил указ царя отложить ее сессию до апреля. В то утро на улицу вышли рядовые Волынского и Литовского полков и организовали демонстрацию в поддержку Государственной думы. К вечеру возбуждение нижних чинов и населения достигло опасного уровня. Исполнительный комитет Государственной думы принял решение взять на себя исполнительную власть. В последующие дни беспорядки охватили пригороды столицы, и опасность стала зловеще нарастать. С целью предупредить анархию Временное правительство использовало военных, которые сумели положить конец уличным безобразиям и восстановить порядок».

Левые революционные круги отвергают версию Милюкова. Даже председатель Думы Родзянко много раз протестовал против «принятия на веру далекого от истины утверждения, что четвертая Государственная дума подготовила, создала, вдохновила и воплотила в жизнь государственный переворот 28 февраля и революцию».

Чтобы решить, на чьей стороне правда, нужно тщательно изучить настроения как Думы в целом, так и представленных в ней партий с момента объявления войны до февраля 1917 г.

Сразу после начала войны думская фракция кадетов во главе с Милюковым публично заявила, что «хотя фракция не отказывается от своей точки зрения на необходимость реформирования России», однако «в данную минуту перед нами

стоит другая задача, величественная и прекрасная... Мы боремся за освобождение нашей родины от иностранного вторжения; в этой борьбе мы все едины; мы не выставляем ни условий, ни требований, а просто кладем на весы наше твердое желание победить врага».

Ранее во время борьбы с революцией 1905 г. и одержанной победы правительство отвечало оппозиционным партиям знаменитой формулой: «Сначала успокоение, потом реформы». Сейчас оппозиция сама поторопилась заявить: «Сначала победа над австро-германцами, потом реформы». На время войны она подписала собственное политическое отречение.

Конечно, она поступила так в тщетной надежде на то, что правительство оценит благородство такого отречения, примирится с оппозиционными партиями и назначит представителей последних на ответственные государственные посты с целью мобилизации сил и ресурсов под лозунгом «Все для войны! Все для победы!» Иными словами, она верила, что власть сама обеспечит объединение общества, которое в Германии называли *Burgfrieden*, а во Франции — *union sacrée*.

Гучков, лидер октябристов, партии в лучшем случае полуоппозиционной (во времена Столыпина кадеты иронически называли ее «партией последнего декрета правительства»), заявлял: «Все партийные разногласия должны исчезнуть. Работа Думы должна осуществляться совместными усилиями всех политических групп. Более того, необходимо добиться объединения выборной власти с правительством, глава которого будет пользоваться доверием как народных масс, так и органов представительной власти».

Прогрессисты и кадеты согласились свернуть свои знамена. Они думали, что после войны влияние различных партий будет прямо пропорциональным их возможностям и вкладу в организацию национальной обороны. «Хозяином страны станет тот, кто умеет работать». Казалось, что у партии кадетов, в которую входило большое количество высокообразованных людей — профессоров, писателей, юристов, врачей, инженеров, лидеров земств и органов городского самоуправления, — есть все шансы проникнуть в государственный аппарат и доказать свою ценность и незаменимость. Именно это

определяло ее тактику «окружения» власти, целью которой было постепенное превращение последней в заложники умеренной демократии.

Однако царское правительство видело этот план насквозь и исходило из принципа: «Дай чёрту палец, он всю руку откусит». Один из министров (Маклаков) заявлял: «Вы будете притворяться, что занимаетесь поставкой сапог для солдат, а сами станете делать революцию». Поэтому правительственные круги могли протянуть руку так называемым «гражданским» организациям (Союзу земств и городов и военно-промышленным комитетам) только под давлением тяжелых провалов на фронте. Едва опасность оставалась позади, как правительство тут же отдергивало эту руку.

Так дело и шло, пока провалы не стали катастрофическими.

Настроение народа менялось быстро. В начале войны, несмотря на ограниченность масс и их ропот, раздававшийся лишь время от времени, «суперструктуру» общества охватил дух всеобщего энтузиазма. Но полная неспособность тупого правительства использовать этот дух для организации национальной обороны превратила энтузиазм в ненависть к существующему режиму.

Член группы националистов Шульгин рассказывает об одном заместителе министра, который описывал свою поездку на юг:

«Понимаете, Киев — довольно реакционный город... Но меня останавливали там благонамеренные люди и спрашивали: «Когда вы их прогоните?» Они имели в виду правительство. А после убийства Распутина стало еще хуже. Раньше всю вину валили на него... Но теперь они поняли, что дело не в Распутине. Его убили, но ничего не изменилось. А теперь все стрелы летят прямо в цель, не отклоняясь в сторону Распутина».

Московская тайная полиция докладывала о впечатлениях Милюкова от старой столицы: «Я никогда бы не поверил, если бы не слышал собственными ушами, что Москва способна говорить таким языком. Я знаю Москву много десятилетий; если бы двадцать лет назад мне сказали, что в чувствах моск-

вичей может произойти такая катастрофическая перемена, я бы назвал это глупой шуткой. Самые инертные, самые непросвещенные люди говорят как революционеры».

На Съезде земств делегаты Иваненков, Макаров и Бесчинский подтвердили, что схожие перемены произошли даже в таких традиционно монархических регионах, как казачьи станицы. В отчете Московского департамента тайной полиции от 19 февраля 1916 г. говорится о росте «до ужасающей степени» «общего глубокого недовольства личностью Его Величества, правящего императора». Департамент «с глубоким прискорбием констатирует», что «если бы пришлось реагировать на все случаи дерзкого и открытого *lèse-majesté* [оскорбления величества (*фр.*)]. — *Примеч. пер.*], количество дел, заведенных по статье 103, стало бы беспрецедентным». Такой же доклад поступил от петроградской тайной полиции: «Антиправительственные настроения охватили буквально все слои общества, в том числе и те, которые раньше никогда не выражали недовольства, — например, некоторые круги офицеров императорской гвардии».

Тактика Думы была двойкой: с одной стороны, она диктовалась фрондой правящего класса, с другой — боязнью революционных настроений среди низших классов.

В Государственную думу входила вся политическая верхушка обеспеченной и привилегированной России, соответствовавшая необходимому для избрания имущественному цензу, поэтому каждое ухудшение ситуации неизменно приводило к политической консолидации разных фракций. В результате в «прогрессивный блок» вошли почти все, от левых до правых: кадеты, прогрессисты, «земские октябристы», правое крыло Союза 17 октября, «правый центр» и даже наиболее либеральные из националистов, правее которых находились только махровые черносотенцы.

Октябрист Родзянко описывает политическое значение блока. «Партия народной свободы [кадеты. — *Примеч. авт.*] в период предвыборной кампании подвергалась преследованиям, а потому была склонна объединиться с крайне левыми. Опасность проникновения революционных настроений в сердце Думы нарастала не по дням, а по часам. Это угрожало

самому существованию Думы и могло привести к революционным беспорядкам в стране». Чтобы избежать этого, «нужно было заключить с влиятельной кадетской партией соглашение и предупредить ее союз с социалистическими партиями» и одновременно привлечь на свою сторону возможно большее количество членов воинствующего крайне правого крыла, которое было готово взорвать Думу изнутри, провоцируя ее и поддерживая каждое антидумское «слово и дело» правительства. Родзянко считает заслугой «прогрессивного блока» то, что он «сорвал уже готовое [? — *Примеч. авт.*] соглашение между партией народной свободы и социалистическими и революционными кругами»¹.

Националист Шульгин, который был не в силах защищать правительство, видел единственный выход в следующем:

«Мы признаем растущее недовольство справедливым, но должны придать его проявлению самую мягкую, самую приемлемую форму... Иными словами, нужно заменить недовольство масс, которое может легко перерасти в революцию, недовольством Думы... Именно для этого и был создан «прогрессивный блок». Этим шагом мы вынудили кадетов перейти к программе-минимум... Если можно так выразиться, мы освободили кадетов от революционной идеологии и свели дело к мелочам... Мне казалось, что мы представляем собой цепь солдат, взявшихся за руки... Конечно, нас толкали сзади и заставляли двигаться вперед. Но мы сопротивлялись. Мы смыкали ряды и не позволяли толпе прорваться... Так мы продолжали сопротивление, но нас толкали в спину уже полтора года... Бог свидетель, если бы мы не создали эту цепь, возможно, толпа прорвалась бы давным-давно»².

«Мы призывали правительство прислушаться к требованиям общества не ради революции, — заявлял Гучков, — а чтобы усилить власть для защиты отчизны от революции и анархии».

Однако многие кадеты резко осуждали участие в этой «цепи». Согласно донесениям полиции, левое крыло партии «не одобряло блок с самого начала. Это крыло доказывало, что участие в нем подорвет авторитет партии, потому что оно не заставит правых членов блока приспособиться к кадетам; на-

оборот, отказавшись от своих главных требований, кадеты сами приспособятся к правым». Это было вполне естественно. Закон всех оппозиционных блоков состоит в том, что его общая платформа может быть выработана лишь при условии приведения требований объединяющихся партий к «общему политическому знаменателю». Лидер левого крыла кадетов Мандельштам заявлял:

«Тактика правого крыла кадетской партии, руководимого Милюковым, грозит бесповоротно скомпрометировать партию в глазах широких демократических кругов населения и либеральной интеллигенции... Страшная ошибка Милюкова заключается в непонимании бесплодности этой игры, в попытке укрепить бюрократию за счет авторитета кадетов, в стремлении что-то получить от этой сделки. На самом деле он теряет престиж и доверие у широких демократических кругов... В ближайшем будущем события изменятся так быстро, что все требования «прогрессивного блока» покажутся детским лепетом... Каждый, кто видит, как все выше поднимается волна народного гнева, ясно понимает, что кадетская партия должна вступить в блок не с правыми, а с левыми, должна идти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, то окажемся в хвосте событий и потеряем свою лидирующую роль. Скажем честно: многие члены нашей партии боятся размаха революции и видят в ней лишь новый пугачевский бунт. Но сами эти страхи должны диктовать политику, диаметрально противоположную милюковской. Если мы не хотим, чтобы стремление народа наказать преступное правительство превратилось в беспорядки, хаос, бессмысленное разрушение, то не имеем права игнорировать народное движение, мы должны стремиться возглавить его... Иначе кадетская партия, скомпрометированная в глазах народа, рискует раз и навсегда оказаться на стороне непопулярных умеренных политических партий. Это было бы несчастьем как для нашей партии — партии российской интеллигенции, — так и для народа»³.

Как же Милюков, лидер правоцентристского большинства партии, защищал свою тактику?

«Люди, которые выдвигают такие лозунги, играют с огнем. Они не способны понять страшное напряжение, в котором

живет сегодняшняя Россия, и последствия этого напряжения. Очень возможно, что правительство тоже не понимает, что происходит в глубинах России. Но мы, умные и чуткие наблюдатели, ясно видим, что ходим по вулкану, что достаточно малейшего толчка, чтобы все пришло в движение и полилась лава. Вся Россия — одна воспаленная рана, боль, скорбь и страдание... Напряжение достигло предела; достаточно чиркнуть спичкой, чтобы произошел страшный взрыв. Боже нас сохрани стать свидетелями этого взрыва. Это будет не революция, а тот самый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», от которого бросало в дрожь Пушкина. Начнется та самая вакханалия, свидетелями которой мы были в Москве*. Из глубин вновь поднимется та грязная волна, которая погубила прекрасные ростки революции 1905 г. Сильное правительство — не важно, плохое или хорошее — необходимо нам сейчас, как никогда раньше»⁴.

Для Милюкова революция была зловещей предательской стихией, которую мог надеяться повернуть в нужное русло только тот, кто был способен тешить себя иллюзиями. Россия созрела для бунта, но не для революции. Следовательно, изменение тактики было бы фатальным. Милюков взывал к своей партии:

«Ради бога, не поддавайтесь на провокацию правительства. Оно спит и видит сепаратный мир с Германией, а потому пытается спровоцировать сложности внутри страны... Указав на рост революционного движения в России, оно объяснит союзникам, почему не может продолжать кампанию. Оно возложит ответственность за неудачу на революционные и оппозиционные круги... Не идите у него на поводу. От нас требуется только одно: терпеливо ждать, глотать горькие пилюли, не увеличивать, а уменьшать народное возбуждение: рано или поздно положение правительства станет безнадежным, после чего наступит полный и абсолютный триумф русского либерализма»⁵.

* Имеются в виду стихийные погромы и разграбление магазинов, принадлежавших владельцам с немецкими фамилиями, происшедшие в начале войны.

Правоцентристские элементы кадетской партии были уверены в успехе. Во время мирного конгресса «правительство ничего не сможет сделать без Думы». Оно будет вынуждено «подкрепить» свои условия и требования «обращением к российскому общественному мнению, выраженному представителями народа». Конфликт с Государственной думой накануне или во время конгресса ухудшил бы международное положение России. Во-вторых, после войны для выплаты одних процентов по внешнему долгу понадобилось бы около полумиллиарда рублей плюс затраты на восстановление разрушенных крепостей и строительство новых, расширение сети железных дорог, расходы на демобилизацию и т. д. В случае конфликта с Думой «правительство не получило бы за границей ни копейки». Кроме того, существовало еще одно обстоятельство:

«Несомненно, после войны следует ожидать злобещих массовых беспорядков... В борьбе с ними правительство окажется беспомощным... В последнюю минуту оно обратится к нам, и тогда наша работа будет заключаться не в нанесении последнего удара правительству, что будет означать поддержку анархии, а в обновлении его... Поощрять лидеров анархической революции ради борьбы с правительством значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями начиная с 1905 года»⁶.

Позже Родзянко был недалек от истины, утверждая, что «Милюков почти во всех вопросах поддерживал даже не прогрессистов, а октябристов». (Прогрессисты были левее октябристов, но правее кадетов.) Шульгин заверял министров, что кадетов бояться не стоит: «Они прекрасно знают, что головы жирондистов оказались в одной корзине с головами монархистов... Они боятся революции. Они три года кричали: «Все для войны!» В случае революции это им припомнят».

Но «опасность слева», олицетворявшаяся кадетами, и без того не слишком тревожила правые монархические круги. В меморандуме, составленном кружком сенатора Римского-Корсакова, партия Милюкова характеризовалась следующим образом:

«Самой сильной и активной из них [умеренно либеральных партий. — *Примеч. авт.*] является партия кадетов, ко-

торая ведет за собой всех остальных. Но если присмотреться внимательно, придется признать, что эта партия сильна своей слабостью. Демократическая по названию, она по составу является чисто буржуазной, не имеет собственной платформы, а потому вынуждена поддерживать лозунги левых о правах народа и отмене частной собственности. Хотя в нее входит большое количество землевладельцев и так называемых руководителей земств, однако партия кадетов поддерживает лозунг отчуждения земли, которое уничтожит ее собственных членов. Конечно, лидеры кадетов неискренни и упорно бороться за это не станут. Они сами предложили убрать данный пункт из программы «прогрессивного блока», созданного и руководимого ими. Это как нельзя лучше доказывает, что они не верят в собственное независимое существование и ищут союза с другими партиями ценой уступок и жертв. Без союза с левыми, без козырей, вынутых из чужой колоды, кадеты представляют собой всего-навсего большое сборище либеральных юристов, профессоров, министерских чиновников и ничего более»⁷.

Когда Совет министров обсуждал соглашение с «прогрессивным блоком», столкнулись два мнения. Одна группа ни за что не хотела простить Милюкову старую попытку кадетов после роспуска первой Думы блокировать иностранный заем Столыпина. «Как бы Милюков ни менял шкуру, он всегда останется в моих глазах революционером, если не извинится за свои действия публично»*. Другие настаивали на одобрении соглашения. Сазонов утверждал: «Если все сделать прилично и воспользоваться предоставленной возможностью, кадеты первыми бросятся заключать соглашение. Милюков — типичный буржуа и боится революции больше всего на свете. Большинство кадетов трясется за свой капитал»⁸.

Осенью 1915 г. казалось, что расчеты Милюкова на то, что правительство окажется в безвыходном положении и будет вынуждено предоставить министерские портфели представителям «прогрессивного блока», вот-вот оправдаются. На фронте

* Заем во Франции пытались блокировать не Милюков, а князь Павел Долгоруков с В.А. Маклаковым, за что их и осудила их партия кадетов.

со дня на день должна была произойти катастрофа. Паника охватила не только солдат, но и высшее командование. Ставка настаивала на оставлении Киева. Обсуждался вопрос об эвакуации Петрограда. Обстановка в тылу была не лучше. Министр внутренних дел князь Щербатов докладывал о своей полной беспомощности, «дезорганизации местных служб», множественности властей, результатом которой оказывается отсутствие всякой власти, «невообразимой неразберихе в провинции», панике в аппарате самого министерства и диктаторских приказах военных, вплоть до прапорщиков и казарменных командиров. «На фронте нас бьют немцы, а в тылу наносят последний удар собственные офицеры», — резюмировал Кривошеин. Военный министр докладывал, что «беспорядок в штабах нарастает с каждым днем; никто ничего не хочет делать, никаких приказов не отдается... Вся жизнь страны дезорганизована, аппарат правительства развален, повсюду хаос и беспорядок». Совет министров наконец понял, что Россия находится на грани банкротства. Государственный контролер с горечью констатировал, что страна и армия не испытывают доверия к правительству и если еще на кого-то надеются, то только на Государственную думу и военно-промышленные комитеты. Царь тоже не обращает на Совет министров никакого внимания и считается только со ставленником императрицы и Распутина, старым циничным бюрократам Горемыкиным. «Правительству не верит даже тот человек, который является источником государственной власти», — заявил Щербатов, и никто ему не возразил. Общее мнение выразил Сазонов: «Правительство висит в воздухе, не получая поддержки ни снизу, ни сверху»⁹.

В таких условиях у правительства было три выхода: пойти на уступки организованному обществу, найти второго Столыпина и доверить ему диктаторскую власть или заключить сепаратный мир и таким образом вырваться из тисков кризиса. Но люди, близкие к царю, все еще считали, что сепаратный мир вызовет немедленную революцию. Второго Столыпина не находилось: высший слой бюрократии деградировал так же стремительно, как и династия. Сдаться организованному обществу было невозможно из-за честолюбия придворной кама-

рильи, религиозного и династического мессианства царя и императрицы и ненависти к обществу, которая вьелась в плоть и кровь высшей бюрократии.

Однако переговоры с «прогрессивным блоком» начались. Со стороны правительства их вел государственный контролер Харитонов, которому помогали министры А.А. Хвостов, князь Щербатов и князь Шаховской, а со стороны блока — Милюков, Ефремов, Шидловский и Дмитриюков. На тайном совещании Совета министров докладывалось, что «в основном программа «прогрессивного блока» приемлема и отличается от правительственной точки зрения лишь в некоторых вопросах». В этом нет ничего удивительного, поскольку блок даже не требовал ответственности кабинета министров перед Думой. Назначение отдельных министров на их посты оставалось прерогативой монарха; Думу волновал только персональный состав кабинета, который должен был пользоваться доверием широких кругов общества; иными словами, правительство должно было формироваться из членов блока. В конкретных вопросах, где Дума требовала более либеральной политики, было бы трудно придумать более обтекаемые и растяжимые формулировки. Сами министры смеялись над фразой о еврейском вопросе: «вступить на путь постепенного ослабления ограничений».

Но соглашение с организованным обществом неизменно наталкивалось на глухую стену в виде царя.

Горемыкин, пользовавшийся сильной поддержкой царицы и Распутина, в решающий момент прерывал переговоры, доставая из кармана царский указ о роспуске Думы. На возражения взволнованных коллег он презрительно отвечал: «Будет ли Дума распущена со скандалом или без скандала, значения не имеет... Я считаю невозможным расстраивать императора разговором об опасности беспорядков, потому что не разделяю этих страхов... Все это придумал Родзянко, чтобы напугать нас... Дума будет распущена в назначенный день, и никакой крови не прольется... Милюков может болтать все, что ему вздумается. Я так верю в русский народ и его патриотизм, что не допускаю и мысли о том, что он может ответить своему царю беспорядками, особенно в военное время. Если отдельные банды интриганов начнут плохо себя вести, о

них позаботится полиция, поэтому не следует обращать на них внимания». Те же доводы приводили и его преемники.

Недостатка в драматических сценах не было. Председатель Думы Родзянко приехал со специальным визитом в Совет министров и попытался убедить главу правительства не играть с огнем, когда на кону стоит судьба России и династии, но столкнулся с такой чванной бюрократической невозмутимостью, что «как безумный, не попрощавшись и забыв трость, пулей вылетел в дверь, после чего произнес безнадежную фразу: «Я начинаю верить тем, кто говорит, что в России нет правительства». Десять министров направили царю коллективную декларацию о несогласии с премьером и о невозможности в таких условиях продолжать работу. Они получили выговор и приказ продолжать исполнять свои обязанности (правда, после этого их одного за другим отправили в отставку). Более того, Хвостов (единственный, кто поддержал Горемыкина против всех остальных) стал фаворитом императрицы, поскольку дал элементарный совет, как быть с Думой: «Их нужно просто разогнать».

«Разогнать всех... Полиция подавит беспорядки!», — восклицал Гучков. — Приближается потоп, а жалкое, ничтожное правительство готовится противостоять этому катаклизму с помощью тех же средств, которыми они защищаются от сильного дождя: резиновых калош и зонтиков». Даже британский посол Бьюкенен сказал: «Боюсь, революция неизбежна».

Но страх испытывали и вожди Думы. В том же августе 1916 г. Гучков писал генералу Алексееву: «Наше оружие ободуостро; массы (особенно рабочие) так возбуждены, что достаточно искры для взрыва, размеры и место которого невозможно ни определить, ни предугадать».

Такие же сомнения начинали терзать и Шульгина:

«Конечно, возбуждение россиян... позволяя успешно снизить предохранительный клапан под названием «Государственная дума»... Мы сумели заменить «революцию», то есть кровь и разрушение, «резолуцией», то есть словесным выговором правительству. Но... в моменты сомнений я иногда начинаю чувствовать, что вместо пожарных, пытающихся по-

гасить революцию, мы становимся поджигателями, хотя и невольными».

Государственная дума начинала все больше и больше бояться бремени народных симпатий, которые она вызывала. И не без оснований.

24 января 1917 г. группа рабочих Центрального военно-промышленного комитета, получив правительственную ноту, явно враждебную по отношению к рабочим, обратилась к народу с воззванием: «Рабочий класс и демократия больше не могут ждать. Каждый день промедления опасен. Решительное искоренение самодержавного режима и полная демократизация страны становятся задачей, требующей немедленно решения, вопросом жизни и смерти для рабочего класса и демократии... К открытию Государственной думы мы должны подготовить всеобщую демонстрацию. Пусть весь рабочий Петроград, фабрика за фабрикой, район за районом, проникнутый духом товарищеского единения, придет к Таврическому дворцу, чтобы предъявить главные требования трудящихся и демократов. Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса: только создание Временного правительства, опирающегося на народ, организованный для борьбы, может вывести страну из тупика и фатальной разрухи, обеспечить политическую свободу и дать стране мир на условиях, приемлемых для российского пролетариата и пролетариата других стран».

Эта группа рабочих представляла собой крайне правое крыло рабочего и социалистического движения. Она состояла из так называемых «оборонцев», несмотря на обвинения в измене решительно настроенных на сотрудничество с торгово-промышленным капиталом в сфере оборонной промышленности. Однако группа испытывала сильное давление со стороны масс, которые относились к войне все более и более враждебно. Ее попытка организовать демонстрацию в день открытия Думы была продиктована стремлением избежать раскола между Думой и массами, принудить Думу к более решительным действиям и приучить рабочих к тому, что именно Дума должна возглавлять народное движение. Иными словами, крайне правое крыло социалистов пыталось достичь того же, чего хотело левое крыло кадетов.

В ответ правительство немедленно распустило группу и провело массовые аресты лидеров рабочих, профсоюзных и других организаций.

Утром 29 января Центральный военно-промышленный комитет провел специальную встречу с представителями Союза земств и городов и «прогрессивного блока». На ней присутствовал один из членов Рабочей группы по фамилии Обросимов. Считалось, что он случайно сбежал из-под ареста, но, скорее всего, его оставили на свободе намеренно, как полицейского агента и провокатора. Его речь должна была дать полиции повод для обвинения группы в подготовке вооруженного восстания, имевшего видимость мирной демонстрации. Однако, согласно отчету петроградской тайной полиции, еще до выступления Обросимова «депутат Государственной думы Милюков, сильно возбужденный, заявил, что сейчас Дума находится в центре внимания всей страны, что только Дума может и должна диктовать стране условия борьбы с правительством, что только она может объединить усилия всех борцов и предложить соответствующие лозунги. Кроме Думы, ни один класс и ни одна группа населения не имеет права выдвигать собственные лозунги и независимо начинать или вести эту борьбу. Таким образом, политика Рабочей группы и ее сторонников ему, Милюкову, абсолютно непонятна и он не понимает, как эту позицию можно совместить с возникшей ситуацией».

Далее в отчете указывается, что «присутствующие, ожидавшие услышать от Милюкова пламенную речь, были просто обескуражены этим заявлением». Лидер социал-демократической фракции Думы Чхеидзе был вынужден заявить, что «в таких условиях Милюков рискует со дня на день оказаться в хвосте событий, поскольку, если все будет развиваться в том же направлении, рабочие неожиданно обнаружат, что именно они являются главной политической силой, решающей, какие действия следует предпринимать». Правительство нанесло удар по рабочим, но Чхеидзе предупредил: «Помните, за арестом рабочих последует ваш собственный».

Таким образом, всего за три недели до революции между кадетским крылом «прогрессивного блока» и рабочим движе-

нием произошел раскол. Через неделю трещина стала еще шире. 9 февраля местный воинский начальник Хабалов, предвосхищая демонстрацию по поводу открытия Думы, распространил воззвание к населению, в котором говорилось, что «ни один истинный сын отечества не предаст своих братьев», а потому не откликнется на призыв «пойти к Таврическому дворцу и предъявить политические требования. Не слушайте преступных подстрекателей, которые толкают вас на измену». На следующий день газета «Речь» опубликовала письмо Милюкова главному редактору. Шульгин замечает, что, «как ни странно, в этих двух документах было много общего». Милюков тоже предупреждал рабочих, что выходить на демонстрацию не следует. Рабочих особенно возмутило упоминание о «вредном и опасном совете», который «явно исходит из самого зловещего источника. Следовать этому совету — значит играть на руку врагу».

Обращение Хабалова вызвало у рабочего класса негодование, которому способствовал слух о том, что поводом для ареста Рабочей группы стала бесстыдная провокация*. К этому добавилась попытка опорочить моральную и политическую репутацию жертв злобной полицейской интриги. Легко понять, какое неблагоприятное впечатление на рабочих произвело письмо Милюкова. К нему добавились произнесенные в Думе речи, намекавшие на то, что сама идея демонстрации была подкинута рабочим полицией. Депутат от социал-демократов Скобелев протестовал против прозвучавших в Думе обвинений, что «рабочая демонстрация играет на руку внешнему врагу» и что «призыв к ней является полицейской провокацией».

В этой связи следует упомянуть, что призыв Рабочей группы не имел ничего общего с намерениями большевиков. Наоборот, большевики враждебно относились к любой попытке связать рабочее движение с Думой. Согласно отчетам тайной

* Министр внутренних дел Протопопов, позже допрошенный по этому делу, подтвердил, что с целью избежать распространения слуха среди заключенных Обросимова пришлось арестовать вместе со всей Группой рабочих, после чего, как и обещало правительство, ему устроили фиктивный побег из тюрьмы.

полиции, они «считали Группу рабочих политически нечистой организацией и не признавали Государственную думу. Они приняли резолюцию, призывавшую не поддерживать демонстрацию, объявленную группой, а вместо нее провести чисто рабочую демонстрацию, намеченную на 10 февраля — годовщину суда над бывшими членами большевистской фракции Думы. На тот же день была назначена всеобщая забастовка». 7 февраля Петроградский комитет большевиков распространил листовку с этим призывом. Но в то время большевики были слишком слабы для такого мероприятия. Их собственный орган, «Правда», вынужден был признать, что «из-за несогласия между радикальными группами организовать демонстрацию не удалось». Так же получилось и со всеобщей забастовкой. Лишь несколько фабрик остановили работу на пару часов в разное время дня, чтобы провести неформальные митинги с речами и принятием резолюций. Но сопротивление большевиков и запрет кадетов привели к тому, что демонстрация 14 февраля также провалилась. В забастовке приняли участие несколько десятков тысяч рабочих примерно шестидесяти предприятий. В трех-четырех районах города полиции пришлось разогнать демонстрантов. Как предсказывал Горемыкин, полиция «пока еще справлялась». Во время этих событий два левых депутата — Чхеидзе и Керенский — резко критиковали «прогрессивный блок» и кадетов за «отсутствие воли к действию» и страх перед революцией; они пытались доказать, что единственным выходом из положения является революция. «Власть самым роковым способом стремится удержаться на краю пропасти, поэтому разумнее порвать с правительством вовремя, чем рухнуть в бездну вместе с ним»¹⁰.

Но оппозиционные лидеры Думы были верны себе. Они ставили на другую карту, все еще надеясь вырвать власть у реакционной клики, а потому рьяно старались помешать рабочим выйти на демонстрацию. Им казалось, что это станет доказательством влияния блока на рабочих. Однако стихийные демонстрации, вспыхнувшие в Петрограде еще через неделю, застали их врасплох. На этот раз «улицу» никто не пытался урезонить, и это стихийное движение переросло в революцию.

Неудачи, которые потерпели революционеры 10 и 14 февраля, убедили полицию в собственной силе и беспомощности рабочих. Сначала она была так же растеряна, как и думская оппозиция. Меморандум петроградской тайной полиции гласил: «Намерение подпольных социалистических организаций превратить мирную народную демонстрацию в стихийную революционную акцию чрезвычайно пугает «претендентов на власть» и заставляет их уныло спрашивать себя, не слишком ли высоко они занеслись. Этим людям кажется, что они, как библейская ведьма, нечаянно вызвали «фантом революции», но не смогли с ним справиться. Они хотели всего лишь напугать им упрямое правительство, однако злой дух революции на пути ко всеобщему уничтожению готов свергнуть правительство... и пожрать их самих»¹¹.

Тайная полиция от души смеялась.

Да, конечно, в позиции лидеров «прогрессивного блока» было что-то комичное. Один из них, Шульгин, впоследствии искренне писал:

«Я испытывал те же чувства, что и мои товарищи по блоку. Все мы — и хвалившие правительство, и осуждавшие его — родились и воспитывались под его крылом... В лучшем случае мы могли безболезненно пересесть из кресла депутата на скамью министров... Выделенный правительством часовой охранял нас... Но когда мы столкнулись с возможным падением правительства в бездонную пропасть, у нас закружились головы, а сердца сжались»¹².

Тайная полиция от души смеялась, но смеяться ей оставалось недолго.

Из страха перед революцией и желания предупредить ее оппозиционные круги были вынуждены выдвинуть идею «дворцовой революции». Смена монарха могла быть выходом из тупика, поскольку новый царь или регент мог согласиться на «окружение» правительства либеральными элементами общества и постепенный переход от абсолютизма к режиму конституционно-демократической монархии.

В своей «Истории второй русской революции» Милюков пишет: «После убийства Распутина широкие слои общества были убеждены, что следующим шагом, который нужно сделать в ближайшем будущем, является дворцовый переворот с помощью офицеров и солдат... Преемником Николая должен был стать его малолетний сын Алексей, а регентом при последнем — великий князь Михаил Александрович. После самоубийства генерала Крымова стало ясно, что этот товарищ Корнилова был патриотом, принесшим себя в жертву; еще в начале 1917 г. он обсуждал в узком кругу подробности приближавшегося переворота. Его исполнение было намечено на февраль. В то же время другой кружок, сформировавшийся вокруг нескольких членов руководящего комитета «прогрессивного блока» и лидеров Союза земств и городов, хотя и не знал об этих приготовлениях, однако обсуждал роль Думы после «дворцовой революции». Варианты были разными, но кружок согласился на регентство великого князя Михаила Александровича как лучшее средство учреждения конституционной монархии. В собраниях этого второго кружка участвовало несколько членов первого Временного правительства; некоторые из них знали о существовании кружка генерала Крымова¹³.

Керенский указывает, что «во время последней монархической зимы генерал Крымов с Гучковым и Терещенко готовил «дворцовую революцию». Однако полиция была на страже. На тайном совещании Совета министров 4 августа 1915 г. Хвостов говорил, что Гучкова поддерживают левые группы, потому что «считают его способным привести батальон в Царское Село». В «совершенно секретном» докладе от 26 января 1917 г. генерал Глобачев упоминает о группе, «действующей в стиле заговорщиков» и состоящей из А.И. Гучкова, князя Львова, С.Н. Третьякова, Коновалова, М.М. Федорова и некоторых других. «Все надежды эта группа возлагает на дворцовый переворот силами по крайней мере одного-двух сочувствующих полков, считая его неизбежным в ближайшем будущем». На основании материалов следственной комиссии Временного правительства поэт Блок рисует следующую картину: «Гучков надеялся, что армия за небольшим исключением одобрит двор-

цовый переворот, сопровождаемый каким-нибудь террористическим актом (совершенным либо собственными телохранителями царя, как в восемнадцатом веке, либо «студентом с бомбой»), не стихийным или анархистским по характеру, а чем-то вроде заговора декабристов. Существовал план захвата императорского поезда между ставкой и Царским Селом и принуждения царя к отречению. Одновременно с помощью солдат следовало арестовать правительство, а потом объявить о дворцовом перевороте и составе нового правительства»¹⁴.

В своих воспоминаниях профессор Ломоносов пишет: «В штабах и ставке императрицу ругали последними словами; люди говорили, что ее нужно заточить в монастырь и даже свергнуть Николая. Об этом болтали даже за общим столом. Но результатом таких разговоров чаще всего становится мысль о дворцовом перевороте вроде убийства Павла I». Согласно Деникину, активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к царю одного из великих князей. Если бы царь ответил отказом, ожидалось «его физическое устранение». Генералов Алексеева, Рузского и Брусилова попросили ответить, согласились бы они участвовать в таком заговоре. Решительным «нет» ответил только первый из них¹⁵.

«Некий кадет Н.» [Некрасов? — *Примеч. авт.*] спросил Шульгина о том, «о чем болтали за кофе в каждом салоне: то есть о дворцовом перевороте. Я слышал о существовании такого аморфного плана, но не знал ни его подробностей, ни участников. Например, существовал так называемый «морской план». Императрицу нужно было под каким-нибудь предлогом заманить на борт крейсера, а потом отвезти в Англию — якобы по ее собственной воле. В другом варианте царя предлагалось отправить туда же и объявить императором Алексея. Я считал все эти разговоры досужей болтовней».

Однако есть более подробное свидетельство Родзянко о приезде генерала Крымова с фронта в Петроград в начале января 1917 г. и докладе, который тот сделал в частных апартаментах Родзянко:

«Крымов закончил приблизительно следующим:

— Чувства военных так сильны, что каждый с радостью приветствовал бы новость о дворцовом перевороте. Перево-

рот неизбежен; на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на крайнюю меру, мы поддержим вас. Нельзя терять время.

Крымов умолк; несколько секунд все молчали, как пораженные громом. Первым нарушил молчание Шингарев:

— Генерал прав, переворот необходим. Но кто наберется решимости сделать это?

Шидловский с горечью ответил:

— Какой смысл жалеть его, если он уничтожает Россию? Многие члены Думы согласились с Шингаревым и Шидловским. процитировали слова Брусилова: «Если мне придется выбирать между царем и Россией, я последую за Россией».

Самым неумолимым и резким оказался Терещенко, который очень меня огорчил. Я прервал его и сказал:

— Вы не думаете о том, что случится после отречения царя... Я никогда не присоединюсь к перевороту. Я дал клятву... Если армия может обеспечить его отречение, пусть это решает ее командование, но я до последней минуты буду действовать убеждением, а не силой».

Картина «заговора» получается не слишком приглядная. Военное крыло, которое представляет Крымов, говорит штатскому: «Если *вы* решитесь, мы вас поддержим». Но штатское крыло в лице Родзянко отвечает: «Если *вы*, армия, сумеете заставить царя отречься, мы этим воспользуемся». Иными словами, это был не столько заговор, сколько болтовня о нем. Каждый выталкивал вперед другого. Согласно отчетам тайной полиции, после убийства Распутина «люди много и серьезно говорили о националистической партии, сконцентрировавшейся вокруг Пуришкевича; говорили, что эта партия решилась на дворцовый переворот, чтобы спасти Россию от революции»; однако жандармерия признавалась, что все это может быть «лишь досужими слухами». Родзянко говорит: «Многие люди были абсолютно и искренне уверены, что я готовил переворот и что мне помогали многие гвардейские офицеры и британский посол Бьюкенен; конечно, это была полная чушь».

Именно таким был странный «заговор», о котором говорили во дворцах великих князей и апартаментах депутатов Думы, в модных салонах и кабинетах командующих армия-

ми, в докладах политической полиции и на совещаниях Совета министров. «Я считал это досужей болтовней», — писал Шульгин, и он был близок к истине. Последним фрагментом этого плана было совещание, на котором присутствовали Родзянко, его помощник Некрасов, секретарь Думы Дмитриуков, депутат Савич и великий князь Михаил Александрович. Оно состоялось 27 февраля 1917 г., когда уличная демонстрация уже перерастала в победоносную революцию. «Великому князю сказали, что ситуацию еще можно спасти: он должен немедленно принять на себя диктаторскую власть в Петрограде, заставить министров подать в отставку и по прямому проводу потребовать от Его Величества манифеста о создании правительства народного доверия». Но даже такой половинчатый дворцовый переворот закончился одними разговорами: «нерешительность великого князя» испортила все. Из всех пунктов программы он выполнил только один: поговорил с царем по прямому проводу, получил решительный отказ и «сложил бессильные руки на пустой груди».

Глава 4

ДУМА ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРИ

Как мы уже убедились, Дума пыталась всеми силами избежать революции. С первых шагов триумфального марша революции по улицам Петрограда Дума игнорировала ее. Рабочих, которые наводнили улицы, постепенно увлекал водоворот. То же происходило и с солдатами, стихийно объединившимися вокруг двух лозунгов: «Хлеба!» и «Долой войну!». Последний лозунг делал демонстрацию не просто чуждой Думе, но положительно враждебной ей. Дума знала, что осенний набор 1916 г. уже довел число рекрутов до тринадцати миллионов, что четыре миллиона жертв означали двадцать миллионов вдов, сирот и беспомощных стариков, поскольку среднестатистическая русская семья состояла из пяти человек. Она знала, что беженцы из оставленных губерний увеличивали бремя тех, кто был занят в производстве. Она знала, что финансы страны расстроены и концы с концами удаётся сво-

- ¹ *Родзянко М.В.* Государственная Дума и февральская революция // Архив русской революции. Т. 6. С. 13—14.
- ² *Шульгин В.* Дни. Белград, 1925. С. 133—134.
- ³ Отчет директора Московского департамента тайной полиции от 1 августа 1916 г. // Сборник полицейских документов. Центроархив. С. 81, 82, 83.
- ⁴ Там же. С. 62—63.
- ⁵ Там же. С. 76.
- ⁶ Там же. С. 147—148. В целом отчеты и донесения жандармерии и охраны очень односторонни. Но если в этих документах сообщается об отвращении к революции «наблюдаемых» и «подозреваемых», такие свидетельства обладают несомненной ценностью.
- ⁷ Записка // Архив русской революции. Т. 5. С. 339.
- ⁸ Протокольные записи тайных заседаний Совета министров с 16 июля по 2 сентября 1915 г., сделанные заместителем начальника канцелярии Яхонтовым и опубликованные в восемнадцатом томе «Архива русской революции» (с. 114—115).
- ⁹ Там же. С. 59, 63, 74, 77, 91.
- ¹⁰ *Андреев Н.* Революция 1917 года: Хроника событий, I. М., 1923. С. 18, 23, 25.
- ¹¹ Сборник полицейских документов. Центроархив. С. 186.
- ¹² *Шульгин.* Указ. соч. С. 148.
- ¹³ *Милюков Л.Н.* История второй русской революции. Т. 1. Ч. 1. С. 35-36.
- ¹⁴ *Блок А.* Последние дни старого режима // Архив русской революции. Т. 4. С. 22.
- ¹⁵ *Деникин АМ.* Очерки русской смуты. Т. 1. Ч. 1. С. 37—39.